

ИДЕОЛОГЕМЫ ОБРАЗОВ И ПРОСТРАНСТВ IDEOLOGEMES OF IMAGES AND SPACES

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.001
УДК 821.511.141-141 + 821.112.2-141 +
+ 94(436)“1854” + 371.322(09) +
+ 929 Франц Иосиф(436)*1

Ю. Е. Бут
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ВОСПИТАНИЕ ВЕРНОПОДДАНСТВА В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЛИТЕРАТУРА ПО СЛУЧАЮ БРАКОСОЧЕТАНИЯ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА ИОСИФА I (1854)

В статье исследуются поэтические произведения, написанные по случаю династических торжеств дома Габсбургов, как один из многочисленных инструментов воспитания лояльности и династического патриотизма, в первую очередь, у школьной молодежи — будущих граждан Австрийской империи. Теоретико-методологическую основу исследования составили такие концепции, как династический патриотизм, *Kaisertreue* (букв. «преданность императору»), *Huldigungsschriften* (букв. «сочинения для оммажа»), габсбургский миф, габсбургская пропаганда, *pietas Austriaca*. В качестве примера взяты три стихотворения, написанные в честь бракосочетания императора Франца Иосифа I и Елизаветы Баварской в 1854 г. Два из них написаны на разных языках (венгерском и немецком), но в одном жанре — жанре панегирической оды и принадлежат авторству школьных учителей. Это сложные пафосные произведения, написанные «высоким стилем», с нагромождением мифологических символов и аллегорий, которые требовали определенного уровня знаний у читателя. Основная эмоция, которую они передавали читателю, — восторженная радость и гордость за правящую династию. Третье произведение представляет собой легкое для восприятия нравоучительное стихотворение с трогательным сюжетом, вызывающим чувства сострадания к ближнему и благодарности императору за его необычайное милосердие. Выбор этих достаточно заурядных с художественной точки зрения произведений продиктован стремлением автора продемонстрировать гипотезу о том, что габсбургский миф, акцентирующий достоинства представителей дома Габсбургов, в разной форме и на разных языках транслировался школьной молодежи, обладавшей различным уровнем образовательной подготовки, и, более того, служил эффективным средством воспитания верноподданства и династического патриотизма. Основная задача исследования заключается не в литературном или художественном анализе выбранных произведений, а в изучении такого

типа литературы как исторического феномена и инструмента пропаганды, нацеленного на формирование верноподданнического мышления у полиэтничного и мультикультурного населения Габсбургской империи.

Ключевые слова: Габсбургская монархия; XIX век; династический патриотизм; школьная молодежь; панегирик; габсбургский миф; репрезентация власти

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

Выражаю глубокую признательность *Ольге Владимировне Хавановой* (Институт славяноведения РАН) за перевод с венгерского языка на русский одного из основных источников для данного исследования.

Цитирование: Бут Ю. Е. Воспитание верноподданства в Австрийской империи: литература по случаю бракосочетания императора Франца Иосифа I (1854) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.001>

Поступила в редакцию: 22.09.2021

Принята к печати: 02.02.2023

Yuliya E. But

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

FOSTERING KAISERTREUE IN THE AUSTRIAN EMPIRE: LITERATURE ON THE OCCASION OF THE MARRIAGE OF EMPEROR FRANCIS JOSEF (1854)

This article explores poems devoted to the dynastic festivities of the ruling House of Habsburg as one of the multiple instruments of fostering loyalty and dynastic patriotism, primarily in in-school youth who were regarded as future citizens of the Austrian Empire. The concepts of dynastic patriotism, *Kaisertreue* (literally, *faithfulness to the emperor*), *Huldigungsschriften* (literally, *homage writings*), the Habsburg myth, *pietas Austriaca*, and Habsburg propaganda provide the theoretical and methodological basis of the research. The author refers to three poems devoted to the wedding festivities of Emperor Francis Joseph and Elizabeth of Bavaria in 1854. Two of them — one of which is written in Hungarian and the other in German — are examples of the panegyric ode and were authored by schoolteachers. The third one is a moral poem, easy to understand, with a heartwarming storyline. All the three poems in question are quite ordinary in terms of literary and artistic merit. Their choice is motivated by the author's desire to demonstrate through those *Huldigungsschriften* her hypothesis that the Habsburg myth which emphasised the virtues and all-encompassing benevolence of the Habsburg rulers was being transmitted in various formats and different languages to in-school youth in the lands of the Austrian monarchy to foster loyalty and dynastic patriotism. Rather than studying

the three writings for their literary and artistic merit, the article mainly focuses on discussing this kind of poetry as a historical phenomenon and an instrument of propaganda which was aimed at developing a loyal and faithful population of the polyethnic and multicultural Habsburg Empire.

Key words: Habsburg monarchy; 19th century; loyalty; dynastic patriotism; in-school youth; Habsburg myth; representation of power

Acknowledgements

This study was funded by the *Russian Foundation for Basic Research* as part of research project 19-59-23005 “The Habsburg Monarchy: New Directions in the Study of the Economic, Socio-Political, and National Development of the Composite State of Central Europe”.

I am grateful to Dr. *Olga Khavanova* (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences), for she has kindly translated one of the main sources from Hungarian into Russian for my study.

For citation: But, Yu. E. (2023). Vospitanie vernopoddanstva v Avstriiskoi imperii: literatura po sluchaiu brakosochetaniia imperatora Frantsa Iosifa I (1854) [Fostering *Kaisertreue* in the Austrian Empire: Literature on the Occasion of the Marriage of Emperor Francis Josef (1854)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 9–26. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.001>

Submitted: 22.09.2021

Accepted: 02.02.2023

Практики европейских монархий в плане привития устойчивой лояльности школьникам как будущим гражданам государства представляют несомненный интерес и во многом сохраняют свою актуальность для современных государств. Особенно интересным представляется опыт Австрийской империи, в которой задача воспитания лояльного населения была далеко не простой ввиду характера самого государства — композитарного, полиэтнического и мультикультурного. Однако во второй половине XIX в. здесь удалось создать одну из самых передовых в Европе систем школьного образования [Puttkamer, 2008, p. 20], в рамках которой подрастающим поколениям последовательно транслировались имперско-австрийская и династическая идеи. Одним из показателей эффективности такой трансляции стал отмеченный многими исследователями феномен массовой лояльности дому Габсбургов — так называемой *Kaisertreue* (букв. «преданность императору») [Sugar, p. 4; Fischer-Galati; Ingrao, p. 2; Unowsky, p. 181–182; Judson, p. 100].

Верноподданство воспитывалось у школьников посредством трансляции так называемого «габсбургского мифа» — определенного комплекса представлений о правителях из династии Габсбургов с акцентом на их личные добродетели и те блага, которые принесло народам их правление [о габсбургском мифе см., например: Tanner; Wheatcroft]. Убежденность в добродетелях габсбургских правителей и легитимности их власти прививалась как в рамках учебной деятельности [см. об этом: Комлева], так и во время внеклассных мероприятий. В школьном календаре регулярно присутствовали мероприятия, посвященные династическим торжествам — дням рождения и тезоименитствам императора

и императрицы, юбилеям правления, бракосочетаниям представителей правящего дома и т. п. Такие мероприятия организовывались школьной администрацией в соответствии с распоряжениями земельных школьных советов и могли включать в себя, помимо праздничного богослужения, торжественную речь директора или приглашенных высокопоставленных лиц, декламацию стихов учителями и учениками, сценические постановки, а также организованное участие школьников в общих торжественных процессиях и приемах. В память о таких мероприятиях школьникам раздавались листовки или брошюры со стихами в честь праздничного события; более толстые книжные издания со стихами, как и разнообразную сувенирную продукцию, школьные учителя настоятельно рекомендовали к покупке [Unowsky, p. 129].

В статье рассматривается такого рода окказиональная поэзия, написанная по случаю династических торжеств и нацеленная на формирование верноподданнического мышления, на примере трех стихотворений в честь бракосочетания императора Франца Иосифа I и принцессы Елизаветы Баварской 24 апреля 1854 г. По наблюдению американского историка Д. Уновски, именно начиная с этого события возникло широкое массовое производство и потребление книг и брошюр с сочинениями, увековечивающими в памяти династию Габсбургов, некоторые из которых продавались десятками тысяч экземпляров [Ibid., p. 127–128]. Рассматриваемые здесь стихи довольно заурядны с литературной и художественной точек зрения, однако весьма любопытны в историческом плане как образцы литературы, изданной в большом количестве по случаю свадебных торжеств в 1854 г. Они написаны в разных жанрах, но относятся к так называемым *Huldigungsschriften* (букв. «сочинения для оммажа») — разновидности окказиональной поэзии, изначально связанной со средневековой церемонией принесения присяги [Andres, S. 8–10]. Изучение такого рода габсбургской поэзии представлено в первую очередь в исследовательских проектах австрийских литературоведов [см. подробнее: Reisner]. Однако их внимание сосредоточено в основном на латинских панегириках XVI–XVIII вв., тогда как сочинения XIX в. остаются за рамками интереса как заурядные и не представляющие литературной и художественной ценности. В исторических работах, насколько известно автору, такие сочинения не анализировались ни в зарубежной, ни в отечественной науке.

Некоторые из *Huldigungsschriften*, изысканно и дорого оформленные, напечатанные на дорогостоящих материалах вроде пергамента или шелка, посылались в дар императору или подносились ему во время торжественных приемов от лица местной администрации, директоров и учителей школ, религиозных общин и т. п. Однако основная масса печаталась на дешевой типографской бумаге, в виде листовок или в газетных изданиях. Наиболее удачные стихотворения неоднократно перепечатывались, издавались отдельными брошюрами, включались в памятные книжки, зачитывались вслух во время праздничных торжеств и приемов, звучали в театрах в качестве пролога или финала к спектаклю. В ходе торжественных процессий в городах небольшие стихи размещали на триумфальных

арках, стенах домов, балконных плакатах, под портретами императорской четы в окнах и витринах [о деталях свадебных торжеств см.: Naske]. Авторами таких стихотворений, особенно тех, которые предназначались для молодежи, были не профессиональные литераторы, а чиновники и школьные учителя, которых Уновски относит к категории «профессиональных патриотов» [Unowsky, p. 129]. Сами школьники также упражнялись в стихосложении и прозе по случаю каждого официального торжества [Puttkamer, 2003, S. 431–436].

В качестве примера рассмотрим подробнее книжное издание, вышедшее в Пеште в 1854 г., в котором содержатся всего два стихотворения на венгерском и немецком языках, преподносимые, как указано на титульном листе, по случаю «славнейшей свадебной церемонии с глубоким смирением от пиаристских школ Венгрии и Трансильвании». Автор первого стихотворения на венгерском языке «Слово радости славно правящему Его апостольскому императорскому королевскому Величеству Францу Иосифу I» [Hovváth] — Цирилл Хорват (1804–1884), писатель и педагог венгерского происхождения. Большую часть своей жизни он проработал школьным учителем и директором в разных венгерских городах, позднее преподавал в Пештском университете. На момент написания рассматриваемого стихотворения он работал учителем и директором в гимназии г. Пешт. Хорват был известен своим патриотическим настроением и энтузиазмом в работе с учениками. В частности, он организовывал и возглавлял школьные кружки самообразования, в рамках деятельности которых оказывал существенное влияние на настроения и устремления молодежи [Szinyei].

Торжественное стихотворение Хорвата написано в жанре панегирической оды. Панегирическая поэзия, чрезвычайно популярная в XVII–XVIII вв., в XIX в. уже утратила свое литературное значение в ряде европейских культур [Клейн, р. 38], однако в габсбургских землях, напротив, переживала второй расцвет [Römer, 2014, S. 269], находясь «на службе габсбургской пропаганды» [Römer, 1998, p. 195]. В стихотворении Хорвата событийный ряд отсутствует, основной тон — это восхваление «высокого предмета», которым служит событие государственной важности, бракосочетание императора. В соответствии с требованием «высокого стиля» речи Хорват использует абстрактный «высокий» язык, оснащенный высокопарной книжной лексикой, архаизмами (но не слишком устаревшими, понятными современному ему читателю), пышными метафорами, возвышенными сравнениями и олицетворениями. Основное чувство стихотворения — необычайный восторг, безмерное ликование всех и вся по случаю выдающегося события — передается читателю буквально в каждой строке при описании видов, звуков и ощущений:

Что за трепет взволнованной радости в вышине?
Что за волшебный свет и вдохновенная музыка?

Или:

Что за рвение и радость, вызванные этим торжеством?
Что за гирлянда вдохновенных песнопений?

Берущая за душу весть! Как после суровой зимы
Под мягким бризом прекрасной весны
Расцветающие леса, луга, шумные дубравы
Возносят благодарность сияющему солнцу¹.

Заразить читателя восторгом помогает часто используемый в одах прием — охват широких географических просторов как бы с высоты птичьего полета. Перед мысленным взглядом читателя или слушателя быстро сменяются величественные виды: полноводная Висла, широкое русло Моравы, утопающие в огнях берега Адриатики, веселящаяся Драва, улыбающееся течение Моравы, переливающаяся разными цветами долина Тисы, города и села, равнины и лесные холмы — «все в предвкушении сладостной радости». Наконец перед читателем предстает Вена — великолепная имперская столица:

Так проникают через границы разных стран
Знаки благоговения перед Веной.
Венной, где против молний, усиленных грозой,
Милосердная добродетель мира протягивает руку,
Венной, где Любовь, воцарившись на вершине,
Искренне предлагает себя в залог.

В словах «против молний, усиленных грозой» чувствуется намек на революционные события 1848 г., о которых император «милосердно» соглашается забыть и протягивает руку в знак примирения. Поскольку Вена на протяжении многих веков служила постоянной резиденцией Габсбургов, то под «воцарившейся» там Любовью (одной из наивысших христианских добродетелей), очевидно, подразумевается правящий дом.

Внимание читателя захватывает целая вереница переплетающихся между собой образов природы (реки, холмы, мягкий бриз, весна, расцветающие леса, луга, шумные дубравы, зеленых лугов роса), традиционных символов (небо, весна, любовь, солнце) и ценностей (милосердие, добродетели, мир, всеобщее благо), а также христианских мотивов (Ангел, Дева, священный союз, молитвы). Такой «лирический беспорядок», заключающийся в отсутствии прямой логической последовательности в развертывании темы, резкой смене величественных видов, хаотическом нагромождении образов, «один грандиознее другого», воспарением «до облаков», помогал осуществить основную задачу оды — «сообщить предельную эмоциональную зарядку» и «потрясти восторгом сердца слушателей» [Ода нового времени, с. 239].

Особо акцентируется массовое участие народов многонациональной империи в публичных торжествах по случаю императорской свадьбы:

Шествуют народы, и помыслы их чисты
Празднуют они события сих славных дней.

¹ Здесь и далее перевод О. В. Хавановой.

Причем подчеркивается, что участвуют представители всех социальных категорий, как простые люди, так и государственные мужи, духовенство и воины:

О великолепная весть! Народ возводит алтари,
В честь воинов звучат приветственные залпы,
Среди государственных мужей царит глубокое уважение,
Духовенство истово творит молитвы,
Голоса сотен тысяч возносятся к небесам.
И небеса столь прекрасны, столь возвышенно ясны!
Что за священный союз между землей и благословенными небесами?
Что за прославление, что за приветственные знаки?
Там стоит среди сотен тысяч ОТЕЦ народов
В его руке — рука благословенной Девы, НАРЕЧЕННОЙ.

Таким образом, рисуется впечатляющая картина всенародного оммажа: народные массы разной социальной и национальной принадлежности идут поклониться новобрачной императорской чете, выказать свое уважение и восхищение их наивысшими достоинствами и добродетелями, и тем самым признать легитимность их правления и засвидетельствовать свою преданность всему дому Габсбургов.

Можно предположить, что Хорват, многие из более известных произведений которого написаны именно в одическом жанре [Szinyeyi], увлекался одой и, вероятно, считался — хотя бы на уровне гимназии — мастером этого жанра. Очевидно, при сочинении стихотворения 1854 г. он преследовал как минимум две цели. Одна из них была непосредственно связана с преподавательской деятельностью: обучение школьников азам классической литературы и венгерскому языку. Такое обучение включало в себя в качестве одного из методов так называемую «пробу пера» — написание сочинений в классических жанрах [см., например: Seidl]. В данном случае учитель на собственном примере демонстрирует школьникам, как следует правильно писать панегирики. Его произведение не точно следует нормам классической оды, что, впрочем, совершенно отвечало сложившейся панегирической традиции в честь представителей дома Габсбургов: за основу брались классические латинские образцы, но всегда присутствовали определенные вариации и отступления от нормы, чтобы получилось новое, оригинальное произведение [Juríková, S. 114]. Со строфами экспериментировали, отказываясь от рифмы, многие известные авторы од, например, Ф. Г. Клопшток [Синило, с. 125–128], произведения которого неизменно включались в число тем для обязательного годового сочинения в старших классах гимназии.

Вторая цель Хорвата связана с прямой обязанностью учителя воспитывать династический патриотизм у учащихся. Для достижения своей цели он задействует эмоциональную сферу: в «Слове радости» использованы образы и символы, которые способны затронуть сердце, поразить воображение, пробудить эмпатию и сформировать устойчивую эмоциональную привязанность у детей школьного возраста (красота родной природы, величественные географические

объекты, государственная символика, христианские мотивы). Это те же самые образы, символы и мотивы, которые можно обнаружить в габсбургских школьных учебниках и книгах, рекомендуемых к дополнительному чтению [Комлева, с. 119–120].

Второе стихотворение из рассматриваемого издания 1854 г. «Ода Его священной императорскому королевскому Апостолическому Величеству Францу Иосифу I, императору Австрии» [Ruth] написано по-немецки. Об его авторе Йоханне Руте, к сожалению, не удалось найти подробной информации. На момент публикации стихотворения он работал учителем в обер-гимназии в г. Шемниц (совр. Банска-Штьявница в Словакии). Все учителя этой школы имели духовный сан и принадлежали к ордену пиаристов [Hof- und Staats-Handbuch, S. 170]. «Ода» Рута в целом сильно перекликается со «Словом радости» Хорвата по форме, тону, содержательному и символическому наполнению. В ней так же нет событийного ряда и рифм, но соблюден определенный ритм. «Ода», как и стихотворение Хорвата, написана «высоким стилем»: используется высокопарная книжная лексика, архаизмы, олицетворения и пафосные сравнения, риторические вопросы перемежаются восклицаниями, присутствует инверсия, резкие разрывы синтаксиса и переносы на границах строк и строф. Рут использует, в подражание известным поэтам, специальные литературные приемы для усиления передачи настроения: «сворачивание» словосочетаний в одно слово, пропуски артиклей и сказуемых. «Ода», как и «Слово радости», буквально пропитана безмерным восторгом и ликованием по случаю высокого события императорской свадьбы:

Радость вызывает кружащимся эхом.
И пробуждает то, что хранит Австрии державный орел;
Этот день светит, оживляя горы и долины
Праздничным ликованием торжества.

В звуках блаженства оно волнами расходится над Паннонии
Счастливой землей, словно кружащийся полет жаворонков,
Над горными вершинами и склонами, ошеломляя Карпатские
Цепи скал, тянущиеся к небу².

Перед читателями, как и в «Слове радости» Хорвата, разворачиваются широкие просторы с высоты «кружащегося полета жаворонков»: Паннония, Карпатские горы, Истр (древнее название нижнего течения Дуная), «поля славных битв Австрии» (под Австрией понимается все Отечество, все государство Габсбургов). Сердце читателя должны были непременно затронуть знакомые с детства величественные виды природы: горы, «цепи скал, тянущиеся к небу», засаженные виноградниками долины, «мощный бег волн» Дуная и пр. Высокий мысленный полет завершается, как и у Хорвата, в габсбургской столице, которая не называется прямо, но совершенно точно угадывается в «празднично

² Здесь и далее перевод автора.

украшенном граде», где Елизавета Баварская «восходит на трон»: как известно, собственно церемония бракосочетания состоялась в церкви св. Августина в Вене, и многие источники сообщают о том, насколько богато и пышно венцы постарались украсить свой город по случаю свадебных торжеств августейшей пары [Naske, S. 74–84].

Восторженное настроение передается также многочисленными восклицаниями на протяжении всего стихотворения:

Он идет! Он идет! Утеха народов, да,
Это ФРАНЦ ИОСИФ! Еще ярче в окружении роз,
Подобная светлomu Ангелу, в лучах блистает
Великолепно Невеста рядом с Государем.

Отпусти, отпусти меня, о священный восторг
В полете духовном из высоких миров!
Здесь, здесь! В звуках радости позволь мне
Достойно воспеть триумф любви.

Основная тема «Оды» — это, разумеется, восхваление достоинств и добродетелей императора и его невесты. Приводится стандартный набор добродетелей, на которые всегда делался акцент в рамках оммажа как на неотъемлемые качества правителя: милосердие, любовь, верность, рыцарская храбрость, слава, великодушие и, конечно, неустанное попечение о мире и всеобщем благе — «замысел великого сердца быть творцом счастья миллионов».

Особое место среди добродетелей императора занимает христианское благочестие. Набожность и религиозный пыл являлись традиционным компонентом габсбургского мифа и одной из доминирующих тем габсбургской пропаганды [Juríková, S. 116]. Еще в годы правления Леопольда I (1685–1705) сформировалась влиятельная концепция *pietas Austriaca* (лат. «австрийское благочестие»), в рамках которой набожность представлялась неотъемлемой добродетелью династии Габсбургов и основой их государственной политики [см.: Coreth]. В «Оде» Рута христианские мотивы так же, как и у Хорвата, являются одними из основных:

Из собора слышится псалом в возвышенном пении серафимов,
А от алтаря обильно льется поток молитв
В честь великого праздника,
Освящая невестин миртовый венок.

Невеста императора сравнивается со «светлым Ангелом». Ангел, помимо того, что символизирует невинность, в христианском представлении является посланником Божьим, посредником между людьми и небом, охраняющим людей [Толстой, с. 22]. Так Рут выражает общую надежду на то, что будущая императрица будет доброй, заботящейся о своих народах государыней. Любопытно, что впоследствии эпитет «ангел-хранитель» стал действительно общепринятым для Елизаветы Баварской среди габсбургских народов, особенно у венгров [Puttkamer, 2003, S. 413].

В «Оде» присутствует сам поэт-панегирист («отпусти меня», «позволь мне достойно воспеть»), который обращается на «Ты» к императору и его невесте. Это принятая поэтическая форма, с помощью которой симулировался личный контакт с монаршей особой, прямая встреча верноподданного поэта с монархом. Кроме того, прием прямого обращения к адресату уподоблял панегирическую оду молитве верующего [Клейн, р. 41–42], обращающегося к Богу, матери Божией или святым: панегирист тем самым наделяет царственных адресатов своего рода ореолом святости, что также совершенно отвечало концепции *pietas Austriaca* и легитимировало в сознании подданных власть как конкретной монаршей пары, так и всего дома Габсбургов.

Значительное место в «Оде» отводится восхвалению красоты невесты, причем следует отметить, что ее образ, как и образ Франца Иосифа, в обоих стихотворениях довольно деперсонализирован. Это можно объяснить тем, что брачующиеся были еще слишком молоды (23 года императору и 16 лет его невесте), чтобы панегиристы могли апеллировать к каким-то реальным их деяниям или заслугам. Единственное, что можно было отметить из персональных характеристик, — это молодость. Именно поэтому и в «Слове радости», и в «Оде» обыгрывается тема весны — как времени года, когда происходят свадебные торжества, и как символа молодости и нового начала. Впрочем, воспевание красоты и изящества будущей императрицы могло быть не просто лестью или общепринятым описанием невесты, но и искренним восхищением, поскольку Елизавета Баварская считалась одной из красивейших женщин Европы того времени и стала символом красоты, грации и элегантности [Hametz, Schlipphacke, р. 1].

«Ода», как и «Слово радости», рисует впечатляющую картину всеобщего участия подданных в церемонии оммажа:

Милостивейший император! какой восторг
 Озаряет народ Твой! о, какие чувства
 Верную грудь, небом Твоего
 Счастливого сердца воодушевленную, пронизывают!
 Север, юг, заход солнца на Западе,
 Утренний восход в Твоей благословенной
 Империи, поют Тебе радостно одним
 Голосом из тысяч состоящим: счастья и долголетия.

Более того, на свадебных торжествах присутствуют не только «миллионы сердец» живых подданных, но также маны — «вышедшие из рая» блаженные души умерших предков, покровительствовавшие своему роду, «которые, щитом божественным вооруженные, Австрии вечную мощь стерегут». Здесь снова прослеживается явная отсылка к габсбургскому мифу. Под блаженными душами предков, пришедших на свадьбу Франца Иосифа, подразумеваются души именно его предков из династии Габсбургов. В русском переводе это не отслеживается, но в немецком оригинале мы видим два разных слова: *Österreich (Österreich)* — Австрия как геополитическое понятие и *Austria* — синоним династии Габсбургов

(*domus Austriaca*) в габсбургской пропаганде [Juríková, S. 122]. Выражение «Austrias ewige Macht» у Рута следует читать как «Габсбургов вечная мощь». Таким образом, перед читателем предстают прославленные Габсбурги из прошлых времен, образы которых так хорошо знакомы ему со школьной скамьи из уроков истории [Комлева, с. 113–115]. Души предков должны были, разумеется, помочь молодому императору править достойно и мудро, как правили они в свое время.

Заканчивается описание всенародного оммажа грандиозной сценой:

Вот взывает Бог многих! Всемогущий!
И народы падают пред лицом его
На землю; слушайте! Это голос
Бога — Любящего, славу возвещающего.

Он взывает, о, Государь! Слава тебе из алтаря!
Ты живешь верно и царствуешь справедливо;
Прими же награду добродетели:

И далее идет переложение 127-го псалма (в масоретской нумерации — 128-го), который у Рута звучит из уст Господа: Господь предрекает императору счастливый многолетний брак и долголетие, а также благосостояние страны и благополучие народов, ее населяющих. Таким образом, «Ода» завершается тем, что сам Бог признает блаженство Франца Иосифа, т. е. самым веским и неопровержимым доказательством легитимности его правления.

В «Оде» встречается еще большее количество, чем в «Слове радости», хаотично нагроможденных аллегорий, мифологических и христианских символов. Но в целом это примерно тот же набор, который используется Хорватом: небеса, солнце, весна, утренняя звезда и т. д. У Рута мы встречаем образ жаворонков — весенних птиц, символизирующих союз земли и неба [Гура, с. 157], а у Хорвата прямо говорится о «священном союзе между землей и благословенными небесами». У Рута также есть символы, связанные с особым почитанием деревьев и цветов в культурах центральной европейской народов, такие как роща, мирт, лилия, роза, лавр. Используются понятия из античной мифологии (амброзия, эфирный мир), латинские топонимы (Паннония, Истр), латинский этноним (гунны).

Мифологические и античные мотивы являлись неотъемлемой частью *Huldigungsschriften*. Они были необходимы, во-первых, для того, чтобы репрезентировать преемственность мифологического — античного — современного царств. Такая репрезентация власти присутствовала в самой церемонии оммажа и сопровождалась неперемнной имитацией античной топографии, возведением временных обелисков, триумфальных арок и трибун. Во-вторых, апелляция к древности и традиции служила одним из важнейших оснований легитимности правления династии и конкретного правителя. И, в-третьих, символика, связанная с родной культурой, способствовала эмоциональному отклику со стороны читателей, формированию симпатии к императору и императрице, которые становились более «родными».

Уловить смысл всех античных символов и мотивов, архаизмов и необычных «свернутых» словосочетаний, оценить удачный подбор образов и ритма могли только образованные люди или будущая образованная элита — гимназисты старших классов, которые, по всей вероятности, и являлись первыми и основными слушателями и читателями панегирических стихотворений, написанных их учителями. Однако не было недостатка в *Huldigungsschriften*, написанных в более легких для восприятия жанрах, но от этого не менее эмоционально насыщенных и в не меньшей степени способствовавших формированию верноподданнического сознания. В стихотворениях для школьников младшего возраста использовались знакомые им сюжеты, например, из той же школьной жизни, простой современный язык, простые запоминающиеся рифмы — все это помогало детям легче понять и дольше удерживать в памяти основные идеи габсбургской пропаганды.

В качестве примера такого «легкого» произведения из категории *Huldigungsschriften* рассмотрим одно из стихотворений на немецком языке, собранных в памятной книжке Л. В. Коха «Цветы настоящего и листья будущего» [Koch], также посвященной свадебным торжествам в честь бракосочетания Франца Иосифа и Елизаветы Баварской в 1854 г. Стоит отметить, что проза и все стихи в этой книжке, в отличие от аналогичного уже упоминавшегося издания Наске, написаны легким, простым и образным языком с элементами наставления и нравочения и напечатаны крупным шрифтом — т. е. так, как обычно писались и оформлялись книги, предназначенные для детей.

Рассматриваемое стихотворение называется «Милость императора и радость учителя Аста из Мариашайн» [Die Gnade des Kaisers...], автор не указан, в отличие от ряда других стихотворений в этом сборнике. Основная эмоция здесь отличается от той, которая присутствует в «Слове радости» и «Оде», и передается не посредством «высокого стиля» и символического языка, а через сюжетную линию. Главное действующее лицо — пожилой учитель по фамилии Аст из деревни Мариашайн (чеш. *Bohosudov*, сейчас центральный район г. Крупка в северной Чехии). По случаю высокого торжества он организует мероприятие со своими учениками — совместную посадку молодых деревцев на территории школы «в знак твердой верности». Интересно, что указывается фамилия учителя и конкретная дата, 24 апреля. Это придает правдоподобности повествованию, словно описывается реально произошедший случай. Указание точной даты также подчеркивает, что речь идет именно о тех днях, когда праздновалась свадьба Франца Иосифа и Елизаветы.

Тема *Kaisertreue* — любви к императору и преданности Габсбургам красной нитью проходит через все стихотворение. Ее неотъемлемой частью является религиозность и совместное вознесение молитв за императора:

Рука старца и сила молодежи
Показывают сквозь года,
Как истинная любовь возвращает благодать
С Богом для благородной высочайшей пары.

Учитель говорил с благочестивым сердцем:
«Давайте вместе помолимся за императора,
А в случае нужды не пожалеем крови
И никогда не нарушим долга верности».

Далее повествуется о личном горе учителя, которое он скрывает в глубине сердца и которое не позволяет ему вполне разделить торжество высокого праздника:

Он говорил, однако сердце его оставалось мрачным,
Глаза полны тоскливых слез,
Он подавлял в себе отцовскую любовь
И щемящую сердце горячую тоску
По потерянному для него сыну,
Которому, ах, воздух обманчивой свободы
Обольстил молодую грудь,
Так что он самовольно нарушил верность Короне.

Молодой сын учителя нарушил долг верноподданства: увлекшись либеральными идеями, он совершил преступление против дома Габсбургов, за что был заключен в тюрьму в Праге. Возможно, он был студентом и принимал участие в июньских студенческих волнениях в Праге в 1848 г. [см.: Бах, с. 383–390], или по какому-либо иному поводу был обвинен в государственной измене или в оскорблении величества.

«Внезапно донеслась радостная весть»: император, «полный благородной любви», оказался настолько милостивым, что простил совершенное против него «злое преступление» и объявил амнистию заключенным. Стоит отметить, что по случаю бракосочетания Франца Иосифа была действительно объявлена амнистия всем нарушителям общественного порядка, и, кроме того, было помиловано несколько сотен обвиненных в государственной измене [Telegraphische Berichte, [S. 1]]. Конкретно в Праге было объявлено об амнистии всех обвиненных в оскорблении величества [Abendblatt der Presse]. Далее в стихотворении описывается трогательная сцена, в которой старый учитель плачет от радости. Здесь есть морализаторская нота: он не роптал, терпеливо выносил свое несчастье и тоску по сыну, продолжал работать, наставляя подрастающее поколение хранить верность дому Габсбургов, и за это он получил столь щедрую награду от «милостивого трона нашего императора»: сын был «ему вновь подарен», «милость и прощение императора» вернули его сына из пражской тюрьмы домой в Мариашайн. Теперь личное счастье старого учителя сливается с всеобщей радостью и ликованием по случаю свадебных торжеств, и «еще очень многие могут порадоваться вместе с ним в Австрийской империи в праздничный день императорской свадьбы».

Стихотворение завершается нравоучительным посланием молодежи: еще раз констатируется необходимость хранить верность императору (*Kaisertreue*) и сторониться любых восстаний против габсбургской власти, препятствующих процветанию государства и мирной, счастливой жизни его граждан:

О, верная любовь, оставайся зеленой
Еще дольше, чем цветут деревья,
Свободной от злой пелены раздоров
И неистового влечения к беспорядкам;
Они разрушают счастье и разоряют мир,
Они не содействуют созреванию благородного плода
Прекрасной науки.
Густо сади, молодежь, молодые деревца
Верной любви в Отечестве,
В единении связанных сердец,
Свободных от тяжелого забвения беспорядков.

В «Милости императора» так же, как и в предыдущих двух панегириках, можно проследить двойную цель: одна из них дидактическая, в данном случае направленная на привитие детям нравственных понятий, развитие у них сочувствия и сострадания к ближнему, а вторая пропагандистская, направленная на формирование верноподданнического мышления через эмоцию восхищения милосердным и мудрым императором и сильное чувство благодарности за его милость и великодушие.

Таким образом, можно заключить, что окказиональная поэзия, посвященная династическим торжествам, служила важным инструментом для габсбургской пропаганды, трансляции габсбургского мифа и укрепления верноподданнического мышления у населения Австро-Венгрии. Наиболее эффективное действие этот инструмент оказывал на формирующееся мышление школьников. Стихотворения, написанные их учителями, лично им знакомыми и пользующимися авторитетом, способствовали не критичному восприятию представлений о правящей династии, мудрой политике, выдающихся деяниях и достоинствах правителей.

Гимназистам, как будущим представителям образованной элиты, предлагались произведения в более сложных жанрах. Сравнительный анализ двух панегирических од на венгерском и немецком языках позволяет сделать вывод, что существовал стандартный набор мотивов, символов и образов, с помощью которых габсбургские гимназисты получали яркое впечатление о блеске и добродетелях правящей династии и всеобщем признании легитимности ее правления. Гимназисты должны были уметь «читать» все эти символы и аллегории, опираясь на знания, полученные ими в ходе изучения латинского и древнегреческого языков, античной литературы и мифологии, а также учиться использовать эти символы в своих собственных сочинениях по случаю национальных и династических торжеств. Были и более легкие для восприятия стихи в честь правящей династии, доступные пониманию в том числе учащимся народных школ. В них габсбургский миф транслировался без особых иносказаний с помощью знакомых сюжетов из обычной жизни. Однако и в первом, и во втором случаях *Huldigungsschriften* оказывали значительное эмоциональное воздействие на читателей, причем задействовался целый спектр эмоций: восторг, воодушевление, преклонение

перед грандиозностью достоинств правителя, гордость за правящую династию, а также сочувствие и сострадание ближнему, соучастие и благодарность императору за необычайную милость и великодушие. Думается, что такое тонкое пропагандистское воздействие, затрагивающее разные эмоции, в отличие от откровенной и грубой пропаганды, не прискучивало читателям, не вызывало скепсиса и отторжения, что, разумеется, способствовало эффективной трансляции габсбургского мифа и формированию верноподданнического мышления.

Источники

Abendblatt der Presse. No 91. 1854. 25. April. [1 S.].

Die Gnade des Kaisers und die Freude des Lehrers Ast zu Mariaschein // Blüten der Gegenwart und Blätter der Zukunft / hrsg. von L. W. Koch. Wien : Sallmayer & Komp., 1854. S. 172–175.

Hof- und Staats-Handbuch des Kaiserthumes Österreich für das Jahr 1856. 4. Theil. Wien : k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1856.

Horváth C. Örömszózat dicsőscégesen uralkodó Első Ferencz József apostolic császári királyi felségének menyegzői ünnepélyére. Mély alázattal a Magyar és Erdélyországi kegyes tanítórend. Pesten : Nyomatott Beimel J. és Kozma Vazulnál, 1854. [Ol. 2–3].

Koch L. W. Blüten der Gegenwart und Blätter der Zukunft. Beitrag zur Geistesbildung und Herzensveredlung. Ein Gedächtnißbuch zur Erinnerung an die allerhöchste Vermählungsfeier Sr. K. k. apostolischen Majestät Franz Josef mit Ihrer k. Hoheit der durchlauchtigsten Prinzessin Elisabeth, Herzogin in Baiern. Wien : Sallmayer & Komp., 1854.

Naske A. C. Gedenkbuch über die Vermählungs-Feierlichkeiten Seiner k. k. apostolischen Majestät Franz Joseph I., Kaisers von Oesterreich, mit Elisabeth, Herzogin in Baiern. Wien : Verl. von L. W. Seidel, 1854.

Ruth J. Ode Seiner Geheiligten k. k. Apostolischen Majestät Franz Josef I. Kaiser von Österreich zur glorreichsten Vermählungsfeier in tiefster Huldigung dargebracht von den frommen Schulen in Ungarn und Siebenbürgen. Pest : Gedruckt bei J. Beimel und Basil Kozma, 1854. [S. 5–10].

Seidl J. G. Programm und Jahresbericht des k. k. Gymnasiums in Krems am Schlusse des Schuljahres 1853 // Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 5. Jahrgang. Wien : Druck und Verl. von Carl Gerold's Sohn, 1854. S. 416–418.

Telegraphische Berichte // Innsbrucker Nachrichten. No 75. 1854. 25. April. [S. 1–2]. URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=ibn&datum=18540425&seite=1&zoom=33&query=%22Innsbrucker%22%2B%22Nachrichten%22&ref=anno-search> (date of access: 21.09.2021).

Исследования

Бах М. Австрия в первую половину XIX века. СПб. : Изд. С. Скирмунта : Тип. Н. П. Собко, 1906.

Гура А. В. Жаворонок // Славянская мифология : энцикл. словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Международные отношения, 2002.

Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. Vol. 4, no. 2. P. 36–71.

Комлева Ю. Е. Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 106–125.

Ода нового времени // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 8 / гл. ред. А. В. Луначарский. М. : Сов. энциклопедия, 1934. С. 238–243.

Синило Г. В. Жанровые и стилевые новации в лирике Ф. Г. Клопштока // Другой XVIII век / под ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : МГУ, 2002. С. 121–134.

Толстой Н. И. Ангел // Славянская мифология : энцикл. словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Международные отношения, 2002. С. 22–23.

Andres J. "Auf Poesie ist die Sicherheit der Throne gegründet". Huldigungsrituale und Gelegenheitslyrik im 19. Jahrhundert. Frankfurt ; New York : Campus Verl., 2005.

Coreth A. Pietas Austriaca : Austrian Religious Practices in the Baroque Era. West Lafayette : Purdue Univ. Press, 2004.

Fischer-Galati S. Nationalism and Kaisertreue // Slavic Review. 1963. Vol. 22, no. 1. P. 31–36.

Hametz M. E., Schlipphacke H. One Introduction: "Sissi": The convergence of Memory and Myth // Sissi's World: The Empress Elisabeth in Memory and Myth / ed. by H. Schlipphacke, & M. E. Hametz. New York : Bloomsbury Publ., 2018. P. 1–28.

Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.

Judson P. The Habsburg Empire: A New History. Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2016.

Juriková E. Habsburger in den lateinischen poetischen Panegyriken, herausgegeben im 17. und 18. Jahrhundert in Tyrnau (Tyrnavia/Trnava) // Graecolatina et Orientalia XXXVII–XXXVIII / hrsg von D. Škovičera, J. Grusková, Z. Gažáková. Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, 2016. S. 113–132.

Puttkamer J. von. Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914. München : R. Oldenbourg Verl., 2003.

Puttkamer J. Framework of Modernization: Government Legislation and Regulations on Schooling in Transylvania 1780–1914 // Cultural Dimensions of Elite Formation in Transylvania (1770–1950) / ed. by V. Karády, & B. Z. Török. Cluj-Napoca : Ethnocultural Diversity Resource Centre, 2008. P. 15–23.

Reisner S. Die poetische Habsburg-Panegyrik in lateinischer Sprache als historische Quelle // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) / hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, T. Winkelbauer. Wien ; München : R. Oldenbourg Verl., 2004. S. 898–915.

Römer F. Klassische Bildung im Dienst habsburgischer Propaganda : Lateinische Panegyrik in der Donaumonarchie // International Journal of the Classical Tradition. 1998. Vol. 5, no. 2. P. 195–203.

Römer F. Neulateinische Panegyrik für Habsburger Herrscher von Rudolf I. bis Franz Josef // Das literarische Lob. Formen und Funktionen, Typen und Traditionen panegyrischer Texte / hrsg. von N. P. Franz. Bd. 36. Berlin : Duncker & Humblot, 2014. S. 251–272.

Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái. Budapest : [s. l.], 1896. URL: <http://mek.oszk.hu/03600/03630/html/h/h08665.htm> (date of access: 21.09.2021).

Sugar P. F. The Nature of the Non-Germanic Societies under Habsburg Rule // Slavic Review. 1963. Vol. 22, no. 1. P. 1–30.

Tanner M. The Last Descendant of Aeneas. The Habsburgs and the Mythic Image of the Emperor. New Heaven ; London : Yale Univ. Press, 1993.

Nowosky D. L. The Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette : Purdue Univ. Press, 2005.

Wheatcroft A. The Habsburgs. Embodying Empire. London : Viking, 1995.

References

- Andres, J. (2005). *„Auf Poesie ist die Sicherheit der Throne gegründet“: Huldigungsrituale und Gelegenheitslyrik im 19. Jahrhundert*. Frankfurt; New York: Campus Verlag.
- Bakh, M. (1906). *Avstriia v pervuiu polovinu XIX veka* [Austria in the First Half of the 19th Century]. St Petersburg: S. Skirmunta Publishing House.
- Coreth, A. (2004). *Pietas Austriaca: Austrian Religious Practices in the Baroque Era*. West Lafayette: Purdue University Press.
- Fischer-Galati, S. (1963). Nationalism and Kaisertreue. *Slavic Review*, 22(1), 31–36.
- Gura, A. V. (2002). Zhavoronok [Lark]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Slavianskaia mifologĭia: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopaedic Dictionary] (pp. 157–158). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Hametz, M. E., & Schlipphacke, H. (2018). One Introduction: “Sissi”: The Convergence of Memory and Myth. In H. Schlipphacke, & M. E. Hametz (Eds.), *Sissi's World: The Empress Elisabeth in Memory and Myth* (pp. 1–28). New York: Bloomsbury Publishing.
- Ingrao, Ch. (2000). *The Habsburg Monarchy, 1618–1815*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Judson, P. (2016). *The Habsburg Empire: A New History*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Juríková, E. (2016). Habsburger in den lateinischen poetischen Panegyriken, herausgegeben im 17. und 18. Jahrhundert in Tyrnau (Tyrnavia/Trnava). In D. Škoviera, J. Grusková, & Z. Gažáková (Eds.), *Graecolatina et Orientalia XXXVII–XXXVIII*, (pp. 113–132). Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta.
- Klein, I. (2015). Pokhvala vlastiteliu: Panegiricheskaia poezĭia i russkii absoliutizm [Praise to a Sovereign. Panegyric Poetry and Russian Absolutism]. *Slověne*, 4(2), 36–71.
- Komleva, Yu. E. (2014). Gabsburgskaia shkol'naia politika kak sposob formirovaniia obshchegosudarstvennoi identichnosti v Avstro-Vengrii [Habsburg Schooling Politics as a Means for Developing an All-State Identity in Austria-Hungary]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 1 (124), 106–125.
- Oda novogo vremeni [Ode of the Modern Time]. (1934). In A. V. Lunacharsky (Ed.), *Literaturnaia entsiklopediia* [Literary Encyclopaedia] (Vol. 8, pp. 238–243). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Puttkamer, J. von. (2003). *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*. München: R. Oldenbourg Verlag.
- Puttkamer, J. (2008). Framework of Modernization: Government Legislation and Regulations on Schooling in Transylvania 1780–1914. In V. Karády, & B. Z. Török (Eds.), *Cultural Dimensions of Elite Formation in Transylvania (1770–1950)* (pp. 15–23). Cluj-Napoca: Ethnocultural Diversity Resource Centre.
- Reisner, S. (2004). Die poetische Habsburg-Panegyrik in lateinischer Sprache als historische Quelle. In J. Pauser, M. Schetz, & T. Winkelbauer (Eds.), *Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert)* (pp. 898–915). Wien; München: R. Oldenbourg Verlag.
- Römer, F. (1998). Klassische Bildung im Dienst habsburgischer Propaganda: Lateinische Panegyrik in der Donaumonarchie. *International Journal of the Classical Tradition*, 5(2), 195–203.
- Römer, F. (2014). Neulateinische Panegyrik für Habsburger Herrscher von Rudolf I. bis Franz Josef. In N. P. Franz (Ed.), *Das literarische Lob. Formen und Funktionen, Typen und Traditionen panegyrischer Texte* (Vol. 36, pp. 251–272). Berlin: Duncker & Humblot.
- Sinilo, G. V. (2002). Zhanrovye i stilevye novatsii v lirike F. G. Klopshtoka [Genre and Style Innovations in the Lyrical Poetry of F. G. Klopstock]. In N. T. Pakhsaryan (Ed.),

Drugoi XVIII vek [A Different 18th Century] (pp. 121–134). Moscow: Moscow State University Press.

Szinnyei, J. (1896). *Magyar írók élete és munkái*. Budapest: [s. l.]. Retrieved from <http://mek.oszk.hu/03600/03630/html/h/h08665.htm>

Sugar, P. F. (1963). The Nature of the Non-Germanic Societies under Habsburg Rule. *Slavic Review*, 22(1), 1–30.

Tanner, M. (1993). *The Last Descendant of Aeneas. The Habsburgs and the Mythic Image of the Emperor*. New Heaven; London: Yale University Press.

Tolstoy, N. I. (2002). Angel [Angel]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Slavianskaia mifologija: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary] (pp. 22–23). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Unowsky, D. L. (2005). *The Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press.

Wheatcroft, A. (1995). *The Habsburgs. Embodying Empire*. London: Viking.

Бут Юлия Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

But, Yuliya Evgenyevna

PhD (History), Associate Professor
Department of Modern and Contemporary
History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: j.e.komleva@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4105-2387>
Scopus AuthorID: 57196436624
WoS ResearcherID: AAY-9715-2021